

СЧАСТЛИВЦЫ И БЕЗУМЦЫ

Игорь Сахновский
лауреат премии «Русский Декамерон»

Счастливы и безумцы

Игорь Сахновский
Принцип Шнайдера

«Автор»

Сахновский И. Ф.

Принцип Шнайдера / И. Ф. Сахновский — «Автор», — (Счастливы и безумцы)

ISBN 978-5-457-28454-8

ISBN 978-5-457-28454-8

© Сахновский И. Ф.
© Автор

Игорь Сахновский

Принцип Шнайдера

– Теперь представь! – тихо говорит Шнайдер, волнуясь, как мальчик, и убирая со стола третью пустую банку из-под домашней «Изабеллы». – Что мне было делать? Февральская ночь. Сплошной Бискайский залив. Она меня ждёт – немедленно! – в Сан-Себастьяне. Если, конечно, ждёт... А мы имеем что? Мы имеем этот долбаный маяк на левом траверзе и оперативное время ноль-ноль двадцать. И я ушёл в лоцманскую ни живой ни мёртвый. Потому что я любил её, как примерно сорок тысяч братьев – и то любить не могут!... Пойми!...

Мощным усилием Шнайдер удерживает в глазах крупные слёзы, и я не знаю, как ему помочь.

Насколько мне известно, Гена Шнайдер никогда не бывал за границами нашей родины. По тем бдительным временам его бы никто и не выпустил. Тем более что за тридцать пять лет своей поразительной жизни он сумел ни разу не вступить в официальные отношения с государством.

Самые достоверные этапы загадочного творческого пути Гены Шнайдера включают попытку дешифровать разговорную речь древних шумеров и прямое участие в раскопках городов Херсонеса и Ольвии на правах вольнонаёмного землекопа.

Его единственный дошедший до нас поэтический опус, на мой взгляд, достоин сохранения в культурных анналах эпохи. Публикую здесь полный текст:

Эх, туманы-растуманы,
Дождик проливной...
Мой пиджак, во-первых, рванный.
Во-вторых, не мой.

Вряд ли будет ошибкой сказать, что с точки зрения моральной, интеллектуальной и практической Гена Шнайдер был чистый идиот. Не в том смысле, который создаёт классическую клинику врождённого слабоумия. А в том, из которого, как жемчуг в сопливой ранке моллюска, произрастает беспримесная гениальность.

В это трудно поверить, но в худощавом двухметровом организме Шнайдера напрочь отсутствовал орган страха. Он не боялся ничего и никогда. За этим не стояло ни тени какой-то сверхъестественной отваги или пресловутого «безумства храбрых». По моим наблюдениям, Гена просто не понимал – чего, вообще, следует бояться?

Когда один из пылких дегустаторов самопальной «Изабеллы» (дело было в Крыму, где Шнайдер явился на свет и провёл наибольшую часть жизни) на исходе шестой или седьмой банки однажды молвил с героическим пафосом: «Альпинизм, Гена! Сейчас дико актуален альпинизм!», Шнайдер выпрямил сутуловатую спину и спросил: «Когда идём – сегодня или завтра?»

При первом восхождении, осуществлённом без минимальной тренировки по маршруту высшей категории сложности, Гена сорвался с восьмиметровой высоты и сломал себе мизинец на левой ноге.

Это происшествие – вполне банальное в шнайдеровской системе координат – говорит опять же не о каком-то безумном мужестве, а скорее о характерном для Гены параличе воли, то есть даже полном и безболезненном её отсутствии, которое, возможно, и было для него реальной свободой.

Он ничего не добивался и не урезал свой горизонт никаким выбором. Не он обычно выбирал, а его – любопытствующие леди (из приезжих) и вечно жаждущие дегустаторы (из местных). Причем выбирали с прогулочной лёгкостью, потому что среди курортных роскошеств крымского пейзажа Шнайдер являл собой нечто вроде вереска при дороге: бери, если нравится, веточку – и уноси куда хочешь.

Я видел, как после одной креплёной, высокоградусной ночи Шнайдер спал на тихом сентябрьском пляже, по-детски откинув тяжёлую красную руку землекопа, и ему на тощее плечо, как на вересковый куст, легко и безбоязненно села трясогузка.

Между тем принципиальное шнайдеровское безволие не отменяло совершения поступков. В том-то и фокус, что совершал он их беспрерывно. И, независимо от мотивов – будь то нетрезвая придурь закадычных дегустаторов или прихоть залётной очаровательницы, – буквально всё, что делал в своей жизни Гена Шнайдер, по меркам обыденного сознания было абсолютно бесполезно – и абсолютно потрясающе.

Я приведу лишь один случай, о котором долгое время нельзя было рассказывать, поскольку эта типичная для Шнайдера история плохо сочетается не только со здравым обывательским смыслом, но и как минимум с двумя жутковатыми статьями Уголовного кодекса. Стало можно – после того как в тридцать шестую свою зиму Гена без предупреждения ушёл в такую отчаянную отлучку, в такую самоволку, что с ходу стал недостижим для всех земных кодексов.

В Старом Крыму проживала Вдова Писателя, совсем уже на краю жизни, одна из тех великих нищих вдов, кому довелось перетерпеть вторую или даже третью серию убийственно справедливого советского кино – за себя и за своих гениальных мужей, которых успели смести с экрана, как мусор, ещё в первой серии.

Почти беззвучное мнение этих недолюбленных старух, уже измеряемое в каратах, публиковалось по обе стороны океана, разрешало коллизии высоких умов Кембриджа и Принстона, в то время как сами подательницы мнений молча бились над проблемой последних рваных тапок и вчерашнего полупустого супа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.